

УДК 94(47).05(436)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/70/6

Русины в Институте славянских стипендиатов (1866–1882 гг.)

А.Н. Птицын

Северо-Кавказский федеральный университет

Россия, 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1

E-mail: ptianr@gmail.com

Авторское резюме

Составной частью массового переселенческого движения русинов в Российскую империю в XIX в. была учебная миграция. Самый масштабный приток русинских студентов имел место во второй половине 1860-х – 1870-е гг. и был связан с появлением славянских стипендиатов. Проводившаяся в то время гимназическая реформа вызвала острую потребность в преподавателях древних языков, которых стали приглашать из Габсбургской монархии. В их число вошли учителя-практики, выпускники и студенты вузов, бывшие представителями славянских народов. После переезда в Россию они проходили переподготовку и изучали русский язык в Петербурге в качестве слушателей Института славянских стипендиатов, который действовал в 1866–1882 гг. Всего через данный институт прошли около 160 австро-венгерских филологов, почти треть из них (45 человек) составляли русины. Среди них доминировали галичане (35 человек), и также были представлены буковинские и угорские русины (по 5 человек). Это были преимущественно люди молодого возраста, выходцы из семей сельских священников. Переезд в Россию позволил им получить учительскую профессию и трудоустроиться на более выгодных, чем на родине, условиях. В дальнейшем подавляющее большинство стипендиатов-русинов успешно адаптировались к новым условиям. Многие из них проработали в российских учебных заведениях долгие годы, каждый пятый в итоге достиг поста директора гимназии. Таким образом, Институт славянских стипендиатов можно рассматривать как один из основных каналов эмиграции русинской интеллигенции в Российскую империю в пореформенный период.

Ключевые слова: Русины, галичане, буковинцы, угорские русины, иммиграция в Россию, Институт славянских стипендиатов, классические гимназии, учителя древних языков

Rusins in the Institute of Slavic Scholars (1866–1882)

A.N. Ptitsyn

North-Caucasus Federal University
1, Pushkin Street, Stavropol, 355017, Russia
E-mail: ptiandr@gmail.com

Abstract

The mass resettlement of Rusins in the Russian Empire in the 19th century included a study migration. The largest influx of Rusin students happened in the second half of the 1860s – 1870s with the emergence of Slavic scholars. The gymnasium reform caused an urgent need for teachers of ancient languages, who were invited from the Habsburg monarchy. They were practicing teachers, graduates and university students, representatives of the Slavic peoples. After moving to Russia, they attended refresher courses and studied Russian in St. Petersburg as students of the Institute of Slavic Scholars (1866–1882). In total, about 160 Austro-Hungarian philologists attended the Institute. Of them, almost a third (45 people) were Rusins: Galicians (35 people) and Bukovinian and Ugric Rusins (5 persons each). They were mostly young people from the families of rural priests. Moving to Russia allowed them to get a teaching profession and find a job on more favorable terms than in their homeland. Subsequently, the overwhelming majority of Rusin scholars successfully adapted to the new conditions. Many of them worked in Russian educational institutions for many years; one in five eventually reached the post of director of a gymnasium. Thus, the Institute of Slavic Scholars can be considered a main channel for the emigration of the Rusin intelligentsia to the Russian Empire in the post-reform period.

Keywords: Rusins, Galicians, Bukovinians, Ugric Rusins, immigration to Russia, Institute of Slavic Scholars, classical gymnasiums, teachers of ancient languages

В XIX в. русины активно переселялись из Габсбургской монархии на территорию Российской империи, этот процесс особенно усилился в период реформ 1860-х гг. [17: 18–19]. В историографии данная проблема рассмотрена лишь фрагментарно. Давая общую характеристику этому явлению, современные исследователи (С.Г. Суляк, М.Ю. Дронов и др.) выделяют отдельные потоки эмиграционного движения – крестьян и сельскохозяйственных рабочих, священников, учителей и др. [2; 17]. При этом перемещение в пореформенную Россию представителей русинской интеллигенции не являлось пред-

метод специального исследования, а рассматривалось рядом учёных (Е.Ю. Басаргина, В. Матула, М. Даниш, Г.В. Рокина, И.В. Чуркина и др.) в общем контексте эмиграции австро-венгерских интеллектуалов славянского происхождения, которая в значительной мере была связана с созданием и деятельностью системы подготовки славянских стипендиатов [1; 6; 18–20].

Переселенческое движение из населённых русинами регионов Австро-Венгрии на территорию Российской империи представляло собой, главным образом, трудовую миграцию, состоявшую из крестьян, сельскохозяйственных рабочих и ремесленников, выезжавших на заработки и частично оседавших на новых местах. Оно также включало представителей образованных слоев – священников, учителей и др. С 1862 по 1875 г. из Галиции в Царство Польское переселилось более сотни священников и других представителей униатской церкви, приглашённых российскими властями с целью усилить там прорусские и антипольские элементы [2: 319–320]. С той же целью в польские учебные заведения в то время стали активно приглашать учителей-галичан.

Отдельную группу среди переселенцев составляла учащаяся молодёжь – студенты, семинаристы, реже гимназисты. Они учились в различных университетах, институтах, духовных академиях, семинариях и гимназиях. Многие из них обучались за казённый счет и получали стипендии российского правительства либо общественных организаций. Учебная миграция русинов фактически была эмиграцией, поскольку после получения диплома они, как правило, трудоустроивались и оставались на жительство в России.

В пореформенный период большинство русинских студентов принадлежали к числу так называемых славянских стипендиатов. Данная категория появилась в связи с потребностями кадрового обеспечения гимназической реформы, проводившейся в 1864–1871 гг. и предполагавшей преобразование большинства мужских гимназий в классические. Основными предметами там становились латинский и древнегреческий языки, для их преподавания в каждой гимназии были необходимы четыре штатных учителя. Между тем специалистов данного профиля в стране катастрофически не хватало, а немногочисленные историко-филологические факультеты отечественных университетов были просто не в состоянии восполнить этот дефицит. В конце 1860-х – середине 1870-х гг. для их подготовки были открыты новые учебные заведения – историко-филологические институты в Петербурге и Нежине, а также Русская филологическая семинария при Лейпцигском университете. Однако в первое десятилетие гимназической реформы основным источником

пополнения преподавательских кадров стало их приглашение из-за границы [4: 206–207].

Необходимых специалистов руководители Министерства народного просвещения (МНП) нашли в Габсбургской монархии, где классическая модель гимназического образования существовала уже давно, а подготовка филологов-классиков в университетах была поставлена на поток. На русскую службу стали в массовом порядке приглашать австро-венгерских учителей славянского происхождения. Такой подход был, в первую очередь, обоснован практическими соображениями, согласно которым славянам было гораздо проще, чем другим иностранцам, освоить русский язык и преподавать на нем. Также в этой акции отразилось влияние широко распространённой в то время как в России, так и среди других славянских народов концепции славянской взаимности [6: 220–221].

Совсем не случайно инициатором приглашения славян на российскую педагогическую службу стал яркий сторонник данной концепции протоиерей Михаил Федорович Раевский. Он более 40 лет (в 1842–1884 гг.) прослужил настоятелем церкви Св. Николая при российском посольстве в Вене и установил тесные контакты со многими политическими, общественными, культурными деятелями из числа габсбургских славян. Обладая также обширными связями в самой России, отец Михаил долгие годы выполнял функции главного координатора и посредника во всех неофициальных контактах между российскими властями и общественностью, с одной стороны, и австро-венгерскими славянами – с другой [18: 4–5]. Ему много раз доводилось выступать в качестве посредника при приглашении в Россию различных специалистов-славян (инженеров, техников, офицеров, учителей и др.) [3].

В 1865 г. М. Раевский во время своей поездки в российскую столицу встретился с министром народного просвещения А.В. Головниным и предложил тому «для привлечения учителей древних языков воспользоваться тем обстоятельством, что многие австрийские славяне и чехи, имеющие дипломы учителей сих языков и некоторые сведения в русском языке, изъявляют желание служить в России в качестве преподавателей» [10: 266]. Обеспокоенный «кадровым голодом» министр тут же ухватился за эту идею и направил Александру II соответствующий доклад, который был утверждён 22 декабря 1865 г. Предполагалось пригласить в Россию «австрийских славян и чехов, имеющих удостоверенные в Австрии дипломы учителей древних языков», вначале они должны были пройти обучение в течение одного года – двух лет на педагогических курсах при российских

университетах со стипендией в 300 руб. в год, чтобы освоить русский язык и подготовиться к службе [10: 267].

Координатором работы по отбору и приглашению филологов-классиков был назначен М. Раевский. Он действовал в тесном контакте с руководством Министерства народного просвещения, представителями российского дипломатического корпуса, отечественными учёными-славистами (особенную активность в этой сфере проявлял В.И. Ламанский). Кандидаты иногда напрямую обращались к отцу Михаилу, чаще же их рекомендовали священнику его знакомые – учёные, педагоги и общественные деятели из славянских регионов монархии, а также российские консулы в Австро-Венгрии.

В частности, подбором кандидатов в Галиции активно занимался видный учёный и общественный деятель, профессор Львовского университета Я.Ф. Головацкий. Эта деятельность, по его собственным словам, вызвала большое недовольство со стороны австрийских властей и стала одной из причин его увольнения и последующей эмиграции в Россию [3: 144–145]. В Буковине приглашением стипендиатов занимался, главным образом, российский консул в Черновцах Д.А. Кира-Динжан [3: 203–208].

Во второй половине 1860-х гг. в Россию были приглашены около двух десятков австрийских учителей, подавляющее большинство из которых были галичанами. Они были трудоустроены, главным образом, в Царстве Польском (Василий Баньковский, Осип Бачинский, Филипп Дьячан, Маркелл Лавровский, Евгений Лесковацкий, Николай Сенгалевич, Игнатий Федынский, Лука Цирик и др.). Несколько человек получили работу в других регионах (Михаил Костев и Лукиан Лавровский в Петербурге, Михаил Блюс в Костроме, Емельян Гороцкий в Калуге, Николай Лисикевич в Вильно, Денис Турянский в Гродно, Лев Лопатинский в Новгороде-Северском, Юрий Ходобай, в отличие от других бывший угорским русином, в Москве) [7: 48–56].

Проект М. Раевского по приглашению австро-венгерских специалистов нашёл отклик также у статс-секретаря по делам Царства Польского, видного деятеля эпохи «великих реформ» Н.А. Милютин. В своем «всеподданнейшем докладе», утверждённом 21 января 1866 г., он предложил пригласить «для приготовления учителей в средние учебные заведения Царства Польского молодых людей из австрийских славян, окончивших свое образование в австрийских университетах, в Россию, с производством им в течение двухлетнего приготовления к учительской должности стипендий» [12: 100]. Были учреждены 20 стипендий в размере 300 руб. в год, которые предполагалось выделить «молодым людям из русских уроженцев Галиции и Венгрии, а также словаков, преимущественно протестантов» [9: 73].

Такой подбор учительского контингента ставил целью гарантировать его лояльность в условиях неспокойной обстановки в Польше. Примечательно, что по указанию царя приглашение учителей было решено вести без официальной огласки, «дабы не породить ложных толков» и недовольства со стороны габсбургского правительства [9: 73 об.]. Тех, кто воспользовался данным предложением, в официальных документах стали именовать «славянскими стипендиатами Царства Польского».

Для переезда стипендиаты получали от МНП через М. Раевского подъемные в размере 100 руб. для холостых и 400 руб. для семейных. Подавляющее их большинство относилось к первой категории, что способствовало большей мобильности. Перед отъездом специалисты подписывали обязательство отработать в российских гимназиях как минимум два года за каждый год получения стипендии [10: 267].

Первый набор славянских стипендиатов, предназначавшийся для Царства Польского, был проведен весной и летом 1866 г. В их число вошли 19 недавних выпускников Венского и Львовского университетов – 17 русинов и 2 словака. Они были направлены в Московский и Петербургский университеты, где обучались на правах вольнослушателей и готовились к сдаче экзамена на звание учителя гимназии [1: 97].

В письме отцу Михаилу от 18 декабря 1866 г. один из стипендиатов, галичанин Антон Семенович, весьма колоритно описал свои первые впечатления от жизни в Петербурге: «Примите, Батюшка, искреннюю благодарность своих старых деток... Я крепко учусь, чтобы выдержать на кандидата экзамен и приготавливаю диссертацию на магистра. Поэтому я останусь в Петербурге и в следующем году, но потом, кажется, поступлю-таки в гимназическую службу, потому что на Варшаву при нынешних обстоятельствах слабая надежда. Русский народец в самом деле славен, сколько я в немецко-чухонском Петербурге мог познакомиться... Одно мне не нравится – пьянство. Эх, запоем-то пьет русский мужичок. Видно деньжонки есть. И интеллигенция славна. Австрийского патриотизма, разумеется, нет. Общественное мнение страшная сила...» [20: 265].

Курс обучения со сдачей экзамена на учительское звание завершили 18 стипендиатов первого набора, а один из словаков с этим не справился. После этого оказалось, что в польских гимназиях в то время учительских вакансий было немного, и туда было направлено только шесть выпускников, а остальные были распределены в различные гимназии Европейской России [7].

С июля 1867 г. руководство делами славянских стипендиатов было передано от статс-секретаря Царства Польского Н.А. Милютина к ми-

нистру народного просвещения графу Д.А. Толстому. В период своего руководства учебным ведомством (в 1866–1880 гг.) он столь энергично внедрял в гимназиях классическую систему, что даже получил от современников прозвище «классический граф». С целью кадрового обеспечения реформы Толстой распорядился переориентировать систему подготовки стипендиатов на потребности всей империи, а не только польских губерний [1: 97–98]. Теперь они стали называться «славянские стипендиаты Министерства народного просвещения».

В связи с этим потребовалось расширить набор кандидатов, и требования к ним были изменены. Помимо русинов и словаков, в их число стали приглашать других австро-венгерских славян, в том числе католиков, за исключением поляков (которых считали нелояльными после восстания 1863–1864 гг.). Было разрешено привлекать не только филологов, но и других гуманитариев, углублённо изучавших древние языки – историков, юристов, богословов. Затем разрешили включать в состав стипендиатов не только выпускников, но и студентов-старшекурсников, изучавших древние языки не менее 3 лет. Однако профессиональные требования к кандидатам оставались высокими – для тех, кто не имел австрийских учительских дипломов, требовалось выполнить письменные задания по древним языкам, для всех кандидатов была обязательна личная рекомендация от одного из их университетских профессоров [1: 98–99].

Из переписки М. Раевского видно, что ряд кандидатов по тем или иным причинам в итоге отказались от предложения поступить на российскую службу. В то же время некоторые желавшие поступить в число стипендиатов получали отказ уже от отца Михаила либо от представителей МНП – из-за недостаточного уровня профессиональных знаний либо вследствие полученных отрицательных отзывов [3].

После передачи дел стипендиатов при МНП была сформирована особая структура под названием «Учительский институт славянских стипендиатов». Он не являлся самостоятельным учебным заведением, ведущим подготовку студентов и выдающим им дипломы. Скорее его можно рассматривать как организационно-управленческую структуру, обеспечивавшую функционирование системы подготовки славянских стипендиатов. Институт имел собственный бюджет в размере 15 тыс. руб. в год, который в основном расходовался на выплату стипендий. Однако у него не было собственной материальной базы и штатных сотрудников, подготовкой стипендиатов «по совместительству» занимались преподаватели петербургских вузов [1: 97].

Бессменным куратором (руководителем) института являлся активный деятель гимназической реформы Александр Иванович Георгиевский, занимавший ряд высоких постов в МНП (редактора

«Журнала Министерства народного просвещения», члена совета министра, председателя учёного комитета). Примечательно, что в архиве М. Раевского сохранилось более 100 писем этого чиновника, посвящённых делам стипендиатов [3: 506].

Наборы в Институт славянских стипендиатов проводились полтора десятка лет – с 1866 по 1880 г. После выпуска последних слушателей в 1882 г. институт был закрыт как выполнивший свою задачу, поскольку к тому времени российские вузы наладили подготовку филологов в необходимых количествах [12: 101].

Приглашение на российскую службу встретило положительный отклик у многих австро-венгерских гуманитариев славянского происхождения. Всего через Институт славянских стипендиатов прошло около 160 габсбургских подданных (в это число не включены учителя, эмигрировавшие во второй половине 1860-х гг. и обучавшиеся на педагогических курсах). По национальной принадлежности они распределялись следующим образом. На первом месте шли чехи, принадлежавшие к наиболее образованным народам дуалистической монархии. Чуть больше половины от общего количества австро-венгерских студентов составили 86 чешских стипендиатов. Чехи преобладали во всех наборах стипендиатов, кроме первого и последнего, где их не было [8].

Второе место среди стипендиатов занимали русины – 45 человек, что составило почти треть габсбургских выходцев. В отличие от чехов, русины на тот момент не могли похвастаться высоким уровнем образованности. Столь высокая вовлечённость их в эту систему во многом была связана с этнической и лингвистической близостью с восточнославянскими народами России, а также с распространением среди них русофильских настроений.

Далее среди слушателей института шли словенцы (14 человек, или 9 %), словаки (11 человек, или 7 %), сербы и хорваты (по 1 человеку) [8].

Побудительные мотивы поступления в число стипендиатов можно выявить на основе анализа переписки М. Раевского с самими кандидатами и их представителями. Они формировались как на основе материальных интересов, так и под влиянием определённых идейных установок и политических факторов.

Будущих стипендиатов, в первую очередь, привлекало гарантированное трудоустройство в российских гимназиях, где в то время средний заработок учителя был в полтора-два раза выше, чем в австрийских школах. Преподаватели гимназий в Российской империи имели достаточно высокий социальный статус, они считались государственными чиновниками, получали классные чины и ордена, по достижении определённого чина приобретали права дворянства, имели

право на пенсию после 25 лет службы. В то же время учителя-русины, как и другие славяне, на родине часто сталкивались с трудностями при поисках работы, с практикой национального неравноправия и даже с дискриминацией по национальному признаку [3: 204, 371].

Следует отметить, что в рассматриваемый период студентов среди русинской молодежи было вообще очень мало, поскольку из-за низкого уровня жизни в русинских регионах лишь немногие семьи могли позволить себе оплачивать обучение своих детей (в Австро-Венгрии, как и в России, в то время образование на всех уровнях, за немногими исключениями, было платным). По своему происхождению почти все стипендиаты-русины были детьми сельских священников-униатов. Именно духовенство в то время составляло образованный слой у русинов и было единственным источником кадров для формирования русинской интеллигенции [5: 66]. Материальное положение семей сельского духовенства было, как правило, трудным, что стимулировало сыновей на вступление в состав стипендиатов. В этой связи следует отметить, что среди славянских стипендиатов в целом преобладали выходцы из бедных семей [18: 161].

Идейной предпосылкой для переселения габсбургских славян на российскую территорию являлась концепция славянской взаимности. Но для русинов гораздо большее значение имела другая идейная установка – о существовании единого русского народа, проживающего на пространстве «от Карпат до Камчатки» и включавшего в свой состав всех восточных славян, в том числе и русинов [5: 6]. Эта концепция носила официальный характер в Российской империи и одновременно была широко распространена среди русинов, являясь основой так называемого москвофильства. Исходя из подобных взглядов, переезд русинов в Российскую империю рассматривался не как эмиграция, а как воссоединение с большей частью своего народа.

В то же время сторонники украинофильского направления, также получившего значительное распространение среди русинов, осуждали эмиграцию представителей интеллигенции в Россию как явление, подрывающее интеллектуальный и культурный потенциал народа. Самой суровой критике в этой связи подвергался М. Раевский как организатор этого переселения [19: 21].

Политические факторы были связаны с неравноправным положением русинов в австрийских и венгерских землях, политикой габсбургских властей по ограничению русинского национального и культурного движения, репрессиями против его деятелей. В этой связи следует отметить, что двое стипендиатов, прибывших в начале 1870-х гг. из Подкарпатской Руси – Виктор Кимак и Михаил Молчан – являлись видными деятелями карпаторусского движения,

покинувшими родину вследствие преследований венгерских властей [3: 534, 540].

Различные эмиграционные факторы часто действовали в комплексе. Вероятно, у многих стипендиатов, как это обычно свойственно эмигрантам, преобладали материальные соображения. В этой связи можно привести примеры из переписки М. Раевского с российским консулом в буковинских Черновцах Д.А. Кира-Дижаном. Дипломат неоднократно жаловался священнику на трудности с привлечением местных учителей в состав стипендиатов из-за их завышенных требований и в сердцах заявлял, что ему «тяжело заниматься и трудно насытить ни к чему не годную и бесхарактерную интеллигенцию галицийскую и буковинскую» [3: 208]. В противовес требованиям интеллигенции он приводил скромные потребности представителей простого народа, которым он оказывал содействие, когда «отправились они массами в Бессарабию и Южную Россию» на заработки [3: 208].

В лице славянских стипендиатов были представлены все три основных русинских региона Габсбургской монархии – Галиция, Буковина и Подкарпатская Русь, причем уровень этого представительства коррелировал с численностью их населения и наличием там высших и средних учебных заведений. Из 45 стипендиатов галичан было 35 (78 %), буковинских и угорских русинов – по 5 человек (по 11 %) [8].

Русины принимались в состав славянских стипендиатов практически каждый год, за редкими исключениями. Они доминировали в первом и последнем наборах. Самым многочисленным стал первый набор 1866 г., куда вошли 17 русинов: галичане Владимир Бачинский, Владимир Вислоцкий, Климентий Воленюк, Климентий Гвоздецкий, Юлиан Городынский, Яков Гринчак, Виктор Думанский, Виктор Ежовский, Петр Зарицкий, Лев Кульчицкий, Константин Лозинский, Максимилиан Писецкий, Антон Семенович, Иван Созанский, Иван Сыроечковский, Александр Трусевич, а также единственный буковинец Ермил Чеховский [7]. В 1867 г. в связи с реорганизацией системы подготовки стипендиатов их приёма не было.

В последующие годы русинов поступало в данный институт по несколько человек ежегодно, иногда – по одному: в 1868 г. – 2 (галичанине Лукьян Безкостый и Лев Михалевич), в 1869 г. – 3 (галичанине Осип Витошинский и Евгений Застырец, а также уроженец Подкарпатской Руси Пётр Феерчак), в 1870 г. – 2 (галичанине Владимир Никорович и Тихон Омелянский), в 1871 г. – 5 (галичане Венедикт Борковский, Николай Козловский и Казимир Павликовский, а также угорские русины Сигизмунд (Владимир) Горват и Михаил Молчан), в 1872 г. – 2 (галичанин Семён Олейник и подкарпатский русин Виктор Кимак), в 1873 г. – 2 (галичанине Леон Стебельский и Осип Хойнацкий),

в 1874 г. – 1 (галичанин Юлиан Милькович), в 1875 г. – 1 (галичанин Василий Белецкий), в 1876 г. – не было, в 1877 г. – 2 (буковинец Михаил Шармакевич и подкарпатский русин Илларион Куланда), в 1878 г. – 2 (галичанин Иван Григорович и буковинец Георгий Вейчук), в 1879 г. – 3 (галичане Иван Кубиевич, Николай Подлужский и Тит Грабович), в 1880 г. – 3 (буковинцы Юлиан Березовский и Александр Шушковский, а также галичанин Иван Фольварков) [8].

Таким образом, галичане поступали в ряды стипендиатов практически постоянно, особенно значительным был их приток в первые годы. К середине 1870-х гг. он почти прекратился из-за исчерпания списка подходящих кандидатов. К концу десятилетия наступило некоторое оживление из-за появления нового поколения студентов. Подкарпатские русины принимались в данный институт в основном на рубеже 1860–1870-х гг., а вот приём буковинцев датируется преимущественно второй половиной 1870-х гг., что, безусловно, связано с открытием Черновицкого университета в 1875 г.

Славянские стипендиаты из числа русинов были преимущественно выпускниками или студентами следующих австро-венгерских университетов: Львовского (23 человека), Черновицкого (8 человек), Венского (5 человек) и Пештского (3 человека), у некоторых стипендиатов сведения об их прежнем месте обучения отсутствовали. Если в первых наборах безраздельно доминировали выпускники Львовского университета, то в период после 1875 г. из 10 слушателей-русинов восемь были студентами или выпускниками Черновицкого университета. До переезда в Россию в качестве учителей на родине работали примерно 40 % стипендиатов, остальные опыта педагогической работы не имели. Особого упоминания заслуживает тот факт, что двое галичан до вступления на российскую службу успели получить степень доктора философии – А. Семенович в Лейпцигском университете и В. Белецкий – в Львовском университете [8: 1 об., 25 об.].

Средний возраст славянских стипендиатов составлял 26 лет, при этом чуть больше половины из них были молодыми людьми в возрасте от 19 до 25 лет, прибывшими в Россию непосредственно со студенческой скамьи или сразу же после окончания вуза. Самому молодому слушателю из числа русинов на момент зачисления в институт было 19 лет (О. Хойнацкий), самому возрастному – 38 (М. Молчан). Слушатели-русины по своей конфессиональной принадлежности в основном были униатами, после переселения в Россию многие из них постепенно присоединились к православию. Некоторые уроженцы Буковины принадлежали к православной церкви изначально [8].

Обучение и переподготовка славянских стипендиатов были организованы следующим образом. На правах вольнослушателей они

посещали рекомендованные куратором лекции по классической филологии, русской словесности и истории в Петербургском университете и Историко-филологическом институте. Несколько раз в неделю специально приглашённые вузовские и гимназические преподаватели проводили с ними семинарские занятия по древним языкам и по русскому языку. Раз в неделю вечерние занятия со стипендиатами проводил сам куратор института А.И. Георгиевский, оценивая, таким образом, достигнутые теми успехи. В своих отчётах он высоко оценивал усердие слушателей, которые производили «отрадное впечатление, как в умственном, так и в нравственном отношении» и превосходили русских студентов по нравственным качествам [1: 100–102].

Срок пребывания в статусе стипендиатов был различным и определялся индивидуально, в зависимости от уровня профессиональной подготовки слушателей и их успехов в освоении русского языка. Обычно он занимал от полугода до двух лет, но в некоторых случаях мог удлиняться и до трёх с лишним лет. Как уже говорилось, за каждый год пребывания в данном статусе нужно было отработать два года в должности учителя российской гимназии.

Обучение славянских стипендиатов завершалось сдачей экзамена на звание учителя гимназии, который давал право лицам, не имевшим дипломов российских вузов, занимать штатные учительские должности. Он включал испытания по латинскому и древнегреческому языкам в объёме университетского курса, а также испытания по русскому языку и словесности, российской истории и географии в объёме гимназического курса [11: 499]. Экзамен принимался специальной комиссией при историко-филологическом факультете Петербургского университета.

После его сдачи стипендиаты должны были ещё продемонстрировать своё умение преподавать на русском языке, для чего они в присутствии чиновников МНП проводили по два пробных урока в одной из петербургских гимназий. В случае успешного прохождения всех испытаний они получали назначение на штатную должность учителя древних языков в конкретной гимназии. В порядке исключения слушатель мог быть назначен в гимназию в качестве исправляющего должность учителя и без сдачи экзамена, но с обязательством сдать его позднее в том учебном округе, куда он был распределён.

От сдачи экзамена на учительское звание были освобождены стипендиаты, имевшие австрийские учительские свидетельства, которые автоматически приравнивались к российским. Поэтому они, как правило, пребывали в статусе стипендиатов лишь несколько месяцев.

Согласно установленным правилам, «для определения их в должность учителей достаточно лишь удостоверения в знании ими русского языка настолько, чтобы они были в состоянии на нем преподавать», т. е. проведения тех же пробных уроков [11: 499–500].

Во время обучения славянские стипендиаты часто сталкивались с материальными трудностями, особенно это было характерно для русинов, бывших, как уже говорилось, сыновьями бедных сельских священников. Жизнь в российских столицах, особенно в Петербурге, в то время была очень дорогой. Приходилось самостоятельно снимать квартиры, оплачивать проживание, питание, отопление, освещение, покупку необходимых книг и письменных принадлежностей и т. д., а выделяемых в виде стипендии средств было для всего этого недостаточно.

Примечательно, что шесть стипендиатов первого набора (русины и словаки), спустя полгода обучения в Петербурге, 19 февраля 1867 г. подали прошение об увеличении суммы стипендии. Скрупулёзно перечислив все необходимые расходы (квартиру с мебелью и самоваром, обед в три блюда, завтрак, ужин, прачку, свечи, отправку писем, бумагу, чернила, извозчика, табак, прислугу, платье, книги и т. п.), они пришли к выводу, что те составляют 688 руб. в год, что более чем в два раза превосходило размер тогдашней стипендии в 300 руб. [9: 75–75 об.]. К их просьбе министерское начальство прислушалось, хотя и не сразу. Вначале стипендиатам несколько раз в год выделяли небольшие дополнительные суммы, а затем стипендия была повышена до 450 руб. в год. В начале 1870-х гг. она была увеличена ещё раз – до 600 руб. в год [18: 161].

Несмотря на трудности, подавляющее большинство стипендиатов-русинов успешно справлялись с предлагаемой им программой. Из 45 человек не завершили обучение лишь двое – один умер (М. Молчан) и один был отчислен по болезни (А. Шушковский), причем последний впоследствии самостоятельно сдал учительский экзамен и стал учителем в Кавказском учебном округе. Все выпускники были трудоустроены в российские гимназии, за исключением Ю. Городыского из первого набора, по собственному прошению занявшего должность делопроизводителя в канцелярии [7: 8].

Педагогическая карьера стипендиатов-русинов складывалась по-разному. У некоторых она в силу разнообразных обстоятельств была недолгой. Так, например, В. Никорович, получивший назначение в Тобольскую гимназию, по отзывам «оказался плохим и недобросовестным учителем» и, проработав менее 3 лет, вышел в отставку [3: 207]. Хотя в данном случае, возможно, сказался факт неудачного распределения.

Подавляющее большинство педагогов-русинов проработали в российских школах долгие годы, а некоторые – по 25–30 лет и более. Они преподавали почти во всех регионах Российской империи – от Варшавы до Иркутска и от Петербурга до Эривани (Еревана). Вследствие того, что в те времена широко практиковалась ротация учителей между гимназиями, общее количество учебных заведений, где в то или иное время служили учителя-русины, исчислялось десятками. В отзывах, которые давало преподавателям учебное начальство, их работа, за немногими исключениями, оценивалась положительно. Среди замечаний и пожеланий, высказываемых в их адрес, чаще всего встречались высказывания о недостаточно свободном владении ими русским языком, что, прежде всего, указывало на несхожесть русинских диалектов и русского литературного языка [8].

Показателем высокого качества преподавательских кадров было то, что каждый пятый из стипендиатов-русинов смог сделать карьеру – девять из них дослужились до должности руководителя гимназии или прогимназии. А. Семенович более 10 лет был инспектором Московского учебного округа, а также занимал должности директора 6-й Московской и Калишской гимназий. 6-ю Московскую гимназию также возглавлял В. Горват. Директором Рязанской и 4-й Московской гимназий был Л. Кульницкий. И. Сыроечковский последовательно руководил гимназиями в Вязьме, Владимире и Риге. П. Феерчак стоял во главе 1-й Одесской прогимназии, а затем – 3-й Одесской гимназии. И. Витшинский был руководителем прогимназии в Енисейске и гимназии в Красноярске. Я. Гринчак был директором гимназии в польской Ломже, О. Хойнацкий – в эстляндском Аренсбурге, Е. Чеховский – прогимназии в Измаиле [13: 179, 183, 189; 14: 235, 241, 400, 528; 15: 359, 518, 520, 698, 740; 16: 976].

Таким образом, Институт славянских стипендиатов стал одним из основных каналов эмиграции русинской интеллигенции в Российскую империю в 1860–1870-е гг. Им воспользовались почти полсотни молодых учителей, выпускников и студентов вузов, прибывших преимущественно из Галиции, а также из Буковины и Подкарпатской Руси. В России они стали преподавателями классических языков в гимназиях и внесли свой вклад в развитие образовательной сферы страны. Система славянских стипендиатов помогла многим из них завершить высшее образование, получить учительскую профессию, трудоустроиться и повысить свой социальный статус.

Последствия интеллектуальной эмиграции русинов были двоякими. С одной стороны, она ослабляла интеллектуальный и культурный потенциал русинских регионов, а с другой – стала своеобразной формой взаимодействия этих регионов с российским обществом,

способствовавшей обмену информацией и установлению личных и социальных связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басаргина Е.Ю. Из истории классического образования в России: Учительский институт славянских стипендиатов // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIV (Чтения памяти И.М. Тронского): материалы Международной конференции, проходившей 21–23 июня 2010 г. / отв. ред. Н.Н. Казанский. Ч. 1. СПб.: Наука, 2010. С. 93–104.
2. Дронов М.Ю. Галицкие, угорские и буковинские русины как объект внимания Российской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в. // Малороссы vs украинцы: Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР. Очерки / ред. Е.Ю. Борисенко, М.В. Лескинен. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 311–342.
3. Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX века. М.: Наука, 1975. 576 с.
4. Измистьева Г.П. Классическое образование в истории России XIX века. М.: Пробел-2000, 2003. 336 с.
5. Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2001. 201 с.
6. Рокина Г.В. Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX века. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2005. 302 с.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 169. Д. 15. Дело о списках стипендиатов (1866–1875).
8. РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 230. Список стипендиатов Славянского учительского института в С.-Петербурге (1866–1882).
9. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 35. Оп. 3. Д. 53. По деятельности в славянском благотворительном обществе. Материалы об обучении и службе разных лиц из славянских земель в России (1866–1877).
10. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. IV. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1871. 1752 стб.
11. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. VII. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1883. 2294 стб.
12. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. VIII. СПб.: Типография Т-ва «Общественная польза», 1892. 1758 стб.
13. Список лицам, служащим по ведомству Министерства народного просвещения. 1875/6 учебный год. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1875. 728 с.
14. Список лицам, служащим по ведомству Министерства народного просвещения. 1884/5 учебный год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1884. 727 с.
15. Список лицам, служащим по ведомству Министерства народного просвещения. 1893/94 учебный год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1894. 785 с.

16. Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1904 г. СПб.: Сенатская типография, 1904. 1109 с.
17. Суляк С.Г. Русины Молдавии: основные этапы этнической истории: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 34 с.
18. Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. 200 с.
19. Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами. К 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского / отв. ред. К.В. Никифоров. М.–СПб.: Нестор-История, 2013. С. 9–23.
20. Daniš M., Matula V. M.F. Rajevskij a Slováci v 19. storočí. Bratislava: STIMUL, 2014. 304 s.

REFERENCES

1. Basargina, E.Yu. (2010) Iz istorii klassicheskogo obrazovaniya v Rossii: Uchitel'skiy institut slavyanskikh stipendiatov [From the history of classical education in Russia: Teacher's Institute of Slavic Scholars]. In: Kazanskiy, N.N. (ed.) *Indoevropeyskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XIV (Chteniya pamyati I.M. Tronskogo)* [Indo-European linguistics and classical philology – XIV (The I.M. Tronsky Readings)]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka. pp. 93–104.
2. Dronov, M.Yu. (2018) Galitskie, ugarskie i bukovinskie rusiny kak ob'ekt vnimaniya Rossiyskoy pravoslavnoy tserkvi vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Galician, Ugrian and Bukovinian Rusins as an object of attention of the Russian Orthodox Church in the second half of the 19th – early 20th centuries]. In: Borisenok, E.Yu. & Leskinen, M.V. (eds) *Malorossy vs ukraintsy: Ukrainskiy vopros v nauke, gosudarstvennoy i kul'turnoy politike Rossiyskoy imperii i SSSR. Ocherki* [Little Russians vs Ukrainians: The Ukrainian question in science, state and cultural policy of the Russian Empire and the USSR. Essays]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 311–342.
3. Nikitin, S.A. (ed.) (1975) *Zarubezhnye slavyane i Rossiya. Dokumenty arkhiva M.F. Raevskogo. 40 – 80-e gody XIX veka* (1975) [Foreign Slavs and Russia. Documents from M.F. Raevsky's Archive of the 1840–80s]. Moscow: Nauka.
4. Izmistieva, G.P. (2003) *Klassicheskoye obrazovanie v istorii Rossii XIX veka* [Classical education in the history of Russia in the 19th century]. Moscow: Probel-2000.
5. Pashaeva, N.M. (2001) *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX – XX vv.* [Essays on the history of the Russian movement in Galicia in the 19th – 20th centuries]. Moscow: State Public Historical Library of Russia.
6. Rokina, G.V. (2005) *Teoriya i praktika slavyanskoy vzaimnosti v istorii slovatsko-russkikh svyazey XIX veka* [Theory and practice of Slavic reciprocity in the history of Slovak-Russian relations in the 19th century]. Kazan: Kazan University.
7. Russian State Historical Archive (RGIA). *Delo o spiskakh stipendiatov (1866–1875)* [Scholarship list case (1866–1875)]. Fund 733. List 169. File 15.
8. Russian State Historical Archive (RGIA). *Spisok stipendiatov Slavyanskogo*

uchitel'skogo instituta v S.-Peterburge (1866–1882) [List of scholarship holders of the Slavic Teachers' Institute in St. Petersburg (1866–1882)]. Fund 733. List 169. File 230.

9. St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences. *Po deyatel'nosti v slavyanskom blagotvoritel'nom obshchestve. Materialy ob obuchenii i sluzhbe raznykh lits iz slavyanskikh zemel' v Rossii (1866–1877)* [On activities in the Slavic charitable society. Materials about the training and service of various people from the Slavic lands in Russia (1866–1877)]. Fund 35. List 3. File 53.

10. Ministry of Public Education of Russia. (1871) *Sbornik postanovleniy po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya* [Collection of resolutions on the Ministry of Public Education]. Vol. IV. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

11. Ministry of Public Education of Russia. (1883) *Sbornik postanovleniy po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya* [Collection of resolutions on the Ministry of Public Education]. Vol. VII. St. Petersburg: Ministry of the Interior.

12. Ministry of Public Education of Russia. (1892) *Sbornik postanovleniy po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya* [Collection of resolutions on the Ministry of Public Education]. Vol. VIII. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.

13. Ministry of Public Education of Russia. (1875) *Spisok litsam, sluzhashchim po vedomstvu Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1875/6 uchebnyy god* [List of people serving under the department of the Ministry of Public Education. 1875/6 academic year]. St. Petersburg: V.S. Balashev.

14. Ministry of Public Education of Russia. (1884) *Spisok litsam, sluzhashchim po vedomstvu Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1884/5 uchebnyy god* [List of people serving under the department of the Ministry of Public Education. 1884/5 academic year]. St. Petersburg: Ministry of the Interior.

15. Ministry of Public Education of Russia. (1894) *Spisok litsam, sluzhashchim po vedomstvu Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1893/94 uchebnyy god* [List of people serving under the department of the Ministry of Public Education. 1893/4 academic year]. St. Petersburg: Ministry of the Interior.

16. Ministry of Public Education of Russia. (1904) *Spisok lits, sluzhashchikh po vedomstvu Ministerstva narodnogo prosveshcheniya na 1904 g.* [List of people serving under the department of the Ministry of Public Education. 1904 academic year]. St. Petersburg: The Senate.

17. Sulyak, S.G. (2006) *Rusiny Moldavii: osnovnye etapy etnicheskoy istorii* [The Rusins of Moldova: The main stages of ethnic history]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

18. Churkina, I.V. (2011) *Protoierye Mikhail Fedorovich Raevskiy i yugoslavyane* [Archpriest Mikhail Fedorovich Raevsky and the Yugoslavs]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.

19. Churkina, I.V. (2013) *Protoierye Mikhail Fedorovich Raevskiy* [Archpriest Mikhail Fedorovich Raevsky]. In: Nikiforov, K.V. (ed.) *Mezhkonfessional'nye, kul'turnye i obshchestvennye svyazi Rossii s zarubezhnymi slavyanami. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya M.F. Raevskogo* [Interconfessional, cultural and social relations of Russia with foreign Slavs. To the 200th anniversary of the birth of M.F. Raevsky]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 9–23.

20. Daniš, M. & Matula, V. (2014) *M.F. Rajevskij a Slováci v 19. Storočí* [M.F. Rajevsky and Slovaks in the 19th century]. Bratislava: STIMUL.

Птицын Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия).

Andrey N. Ptitsyn – North-Caucasus Federal University (Russia).

E-mail: ptiandr@gmail.com